

В. А. Зверев

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Опубликовано: Зверев, В. А. Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма / В. А. Зверев // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – С. 27–45.

Большая группа советских историков совместно с экономистами, социологами, представителями других общественных наук приступила к комплексному изучению исторического опыта освоения восточных окраин нашей страны. Развернувшаяся широкомасштабная работа неизбежно будет сопровождаться уточнением и развитием первоначально выработанной программы¹. Представляется, в частности, что намеченный в ней предмет исследования: «факторы, тенденции и этапы формирования, развития и использования социального потенциала Сибири»² — может быть представлен полнее, благодаря включению в него также *способов* формирования, развития и использования экономического, социально-демографического и духовного потенциалов на всех исторических этапах.

Для того, чтобы глубоко осмыслить эти способы, необходимо дополнить анализ развития общества как естественноисторического, независимого от воли и сознания людей процесса рассмотрением исторического прогресса как результата жизненной активности людей³. В работах, выполненных в рамках такого подхода, на первый план выйдет изучение во взаимосвязи технологического содержания и общественной формы хозяйственной практики (именно она является важнейшим способом формирования экономического потенциала Сибири), познавательной и просветительской активности (она приводит к развитию духовного потенциала), а также деятельности по воспроизводству населения, в процессе которой изменяется социально-демографический потенциал региона. Иначе говоря, активизируется исследование различных сторон образа жизни людей (отдельных личностей, малых и больших социальных групп, общества в целом).

¹ **Целевая** научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири»: Проект / Алексеев В. В., Артемов Е. Т., Васильевский Р. С. и др. Новосибирск, 1986; **Дервянко А. П.** Гуманитарная наука в Сибири: некоторые итоги и перспективы // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1986. № 9, вып. 2. С. 3—14; **Алексеев В. В., Васильевский Р. С., Горюшкин Л. М.** Изучение опыта освоения Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1986. № 9, вып. 2. С. 41—54.

² **Целевая** научно-исследовательская программа... С. 13.

³ О таком подходе см.: **Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.** Теория и история: Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. С. 60–62.

Предметом анализа в настоящей статье являются методологические и конкретно-исторические источники исследования воспроизводства лишь одного, конкретного, субъекта — русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX — начала XX в.

В качестве методологических источников используются труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Известно, что классики марксизма-ленинизма не анализировали специально генезис, структуру и этапы развития образа жизни при капитализме, реализованный ими подход носил преимущественно естественноисторический (формационный) характер. Однако они поставили перед обществоведами-марксистами задачу глубокого изучения социального образа жизни. Объясняя строение и динамику капиталистического общества, они сделали выводы методологического характера о решающем влиянии производительных сил и производственных отношений, всего способа производства на образ жизни людей в целом, на процесс воспроизводства населения, в частности⁴.

Согласно марксистско-ленинской теории общества, воспроизводство населения как процесс физического и духовного возобновления поколений является одной из основ жизни общества, очень важной сферой социальной действительности. В демографической науке воспроизводство населения иногда рассматривается в широком смысле — как совокупность трех видов движения народонаселения: «естественного» (оно определяется соотношением рождаемости и смертности), пространственного (миграции) и социального (социальная мобильность)⁵. Марксистско-ленинская методология позволяет употреблять это понятие и в несколько ином плане — для обозначения форм жизненной активности людей, направленной на непрерывное возобновление поколений в рамках исторически определенной системы общественных отношений. Для такого возобновления недостаточно физически заменить умерших родившимися, нужно еще привить родившимся и подрастающим социальные качества уходящих из жизни. Поэтому в структуре воспроизводства населения следует выделять две основные составные части: демографическое поведение людей и социализацию ими подрастающих поколений. При этом демографическое поведение понимается как система действий (поступков), связанных с физическим воспроизводством населения непосредственно (через рождаемость, санитарное, или витальное поведение, смертность) или опосредованно (через брачность и разводимость)⁶. Социализация детей и подростков — это система спонтанных и целенаправленных действий, через которые обеспечивается включение новых поколений в общественную структуру (систему общественных отношений всех

⁴ См.: **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19; Т. 13. С. 7; **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 1. С. 476; Т. 3. С. 433—434; и др.

⁵ **Демографический** энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. С. 68.

⁶ Там же. С. 330.

уровней, норм социального поведения, культурных ценностей и т. д.)⁷. Социализация включает в себя обучение и воспитание.

Итак, труды классиков марксизма-ленинизма дают возможность сформировать строгий понятийный аппарат изучаемой темы, составить представление об актуальности и основных элементах структуры изучаемого предмета. В их сочинениях мы находим и ряд принципиальных для методологии нашей темы теоретических положений.

Очень важно положение о зависимости условий, форм, результатов воспроизводства населения «от устройства различных социальных организмов»⁸, поскольку воспроизводство людей — это сфера не столько биологической, сколько социальной жизни. Но это все же особая сфера социальной действительности. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин обосновали возможность и необходимость специального рассмотрения воспроизводства населения в качестве относительно самостоятельной области жизни людей. Они называли производство своей собственной жизни, производство других людей, размножение, наряду с производством средств удовлетворения своих потребностей и развитием самих этих потребностей, тремя сторонами социальной деятельности, «которые совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь»⁹.

Диалектическая связь объективных условий жизни и относительно автономной от них системы жизнедеятельности людей, принципиальная возможность и неизбежность осуществления исторического прогресса путем воспроизводства поколений подчеркнуты в следующем высказывании К. Маркса и Ф. Энгельса: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹⁰.

Классики марксизма-ленинизма отмечали существование различных исторических и социальных типов демографического поведения и социализации подрастающих поколений. При этом они особо подчеркивали специфику воспроизводства поколений в среде различных классов капиталистического общества. Применительно к крестьянству важнейшее значение имеют выводы о взаимосвязи демографической структуры крестьянского двора и его

⁷ Кон И. С. Введение // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 4; Он же. Эстафета поколений: Заметки о воспитании молодежи // Коммунист. 1987. № 4. С. 96.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 476.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27—28.

¹⁰ Там же. С. 44—45.

экономического благосостояния¹¹; о кризисе традиционной системы демографического поведения и воспитания детей в среде мелкой буржуазии и формирующегося пролетариата¹²; об искусственном ограничении со стороны правящих классов доступа новым поколениям трудящихся к грамоте и культурным ценностям¹³; о подчиненности «просветительской» политики помещиков и буржуазии задаче социально-экономического и идейно-политического закабаления трудящихся масс¹⁴.

Подчеркивая существование в условиях мировой капиталистической системы общих для всех стран закономерностей развития капиталистического строя с его «бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой ... с буржуазными семейными отношениями»¹⁵, В. И. Ленин учил видеть и особенности всех сторон жизни в разных странах и регионах. Он, в частности, выделял ряд специфических черт Сибири как колонизируемой окраины, колонии в экономическом смысле и района преимущественного развития капитализма вширь¹⁶. Эти особенности не могли не влиять и на различные стороны воспроизводства основной массы населения Сибири — крестьянства.

Процесс воспроизводства русского крестьянского населения Сибири в эпоху капитализма нашел отражение в обширном круге конкретно-исторических источников. Среди них одно из самых значимых мест занимают **статистические материалы**. Статистика нужна, прежде всего, для того, чтобы установить количественные характеристики демографической и культурной ситуации в сибирской деревне. Размер крестьянской семьи, ее половозрастную структуру, состав рабочей силы во всей Сибири или отдельных ее районах позволяют выявить опубликованные данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.¹⁷, обследований, предпринимавшихся в конце XIX — начале XX в. Министерством земледелия и государственных имуществ, органами Переселенческого управления, рядом общественных организаций¹⁸. Такие показатели, как брачность, разводимость, рождаемость,

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 63, 84, 99, 127, 136; Т. 17. С. 83–85, 107.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 360–364, 373–379; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 256.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 427–429; Т. 12. С. 475–476; Т. 13. С. 215; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 321–322; Т. 42. С. 326.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 125–135.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 139.

¹⁶ Подробно об этом см.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 72–97; Он же. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 37–50.

¹⁷ **Общий** свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905. Т. 1–2; **Первая** Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1904–1905. Т. 73–75, 78–79, 81; и др.

¹⁸ **Материалы** для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1888—1898. Вып. 1–22; **Материалы** по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М.; Иркутск, 1889–1894. Т. 1–4; **Высочайше** учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и

смертность, естественный прирост населения Сибири восстанавливаются за длительный период при обработке сведений, имеющихся в ежегодных отчетах губернаторов царю, глав епархий Синоду¹⁹, в публикациях статистических и медицинских органов Министерства внутренних дел²⁰. Выстроенные в динамические хронологические ряды, эти показатели дают яркое представление об условиях и результатах эволюции демографического поведения крестьянства и его отношения к просвещению. Так, построенная нами на основе данных Медицинского департамента и Главного управления врачебного инспектора МВД таблица, отражающая динамику естественного движения отдельно городского и сельского населения, показала, что в начале XX в. в городском населении Сибири наметилось сокращение рождаемости, что могло быть связано с началом перехода к современному типу воспроизводства (для него характерна, в частности, регулируемая рождаемость). В сельском же населении статистические признаки такого перехода не выявила²¹.

В литературе уже давно указывается на необходимость привлечения больших массивов первичных карточек различных статистических обследований для повторной математико-статистической обработки в целях изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства²². Эта идея актуальна и применительно к нашей теме. Некоторые важные демографические показатели (количество детей в семье, сравнительный возраст вступления в брак мужчин и женщин, поколенная структура населения) можно получить или существенно уточнить, конкретизировать только при анализе хранящихся в архивах первичных карточек переписи населения 1897 г., сельскохозяйственной переписи 1916 г. и других обследований народонаселения конца XIX — начала XX в., охвативших всю Сибирь или достаточно большие ее регионы.

В нашем распоряжении имеется довольно обширная центральная и ведомственная статистика, статистика общественных организаций, по которой можно проследить динамику численности официальных школ различного типа, количества учащихся в них, грамотных и «полуграмотных» (умеющих лишь читать) крестьян в различном возрасте.

Указанные выше статистические материалы позволяют сравнивать важнейшие демографические показатели у сельского населения Сибири (иногда конкретнее — у русского

землепользования в Забайкальской обл.: Материалы. Спб., 1898. Вып. 1—16; **Сборник** статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Спб., 1912—1913. Вып. 1—5; **Переселенцы**, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927; **Экономическое исследование маслоделия в Сибири**. Харьков, 1906; **Современное** крестьянское сельское хозяйство в районе осушительных работ Томской гидротехнической партии. Томск, 1916; и др.

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, 1284, 1290.

²⁰ **Отчет** о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... г. Спб.; Пг., 1857—1916; **Статистика** Российской империи. Спб., 1907. Вып. 66; 1909. Вып. 70; 1911. Вып. 74; и др.

²¹ **Зверев В. А.** Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 103—113.

²² **Горюшкин Л. М., Терещенко Л. С.** О необходимости вторичной обработки первичных материалов переписей // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.

крестьянского населения или его отдельных сословных, конфессиональных категорий) с аналогичными показателями у населения сибирских городов, других регионов страны, в том числе Европейской России. Выявляются особенности различных групп крестьян — старожилов, переселенцев, казачества, ссыльных.

К сожалению, дореволюционная официальная и буржуазная статистика грамотности и особенно школьного дела затрудняет выяснение демографической и культурной специфики различных социальных слоев и групп деревенского населения эпохи капитализма, поскольку, как правило, не содержит группировок крестьянских дворов по их экономической состоятельности. Группа важных демографических показателей продолжительности жизни (ожидаемая продолжительность жизни и различном возрасте, медианная, модальная продолжительность жизни) может быть установлена для Сибири и ее деревенского населения лишь очень приблизительно.

Дело в том, что статистика не содержит данных о возрастной структуре живущего и умершего населения Сибири, относящихся к одному времени. Необходимы синхронные данные переписи населения о возрасте живущих с годовыми интервалами и о возрастной структуре умерших в течение года до указанной переписи, а также в продолжение года сразу после нее. Возраст живущего населения всей Сибири нашел отражение лишь в материалах Первой Всеобщей переписи, проведенной в январе 1897 г. Но историки-сибиреведы не располагают данными о годовом распределении возраста умерших за 1896 и 1897 гг. Такие сведения были собраны в свое время лишь по Европейской России, они активно использовались для исчисления продолжительности жизни населения этого региона²³. Для Сибири же подобные сведения о возрасте умерших имеются только за 1873—1897 гг. по Киренскому округу Иркутской губернии, за 1902 и 1903 гг. по Тобольской и Енисейской губерниям, за 1904 г. по Енисейской и Иркутской губерниям²⁴. Их очень трудно совместить с данными о возрастном составе живущего населения за 1897 г., возможны лишь очень приблизительные расчеты, ценность которых весьма проблематична.

Статистические материалы о воспроизводстве крестьянского населения Сибири имеют и другие недостатки. По ним трудно, например, составить представление о количестве неофициальных («домашних», «вольных») школ и числе учащихся в них. Отрывочны и неполны данные о внешкольных учреждениях, участвовавших в просвещении деревни, о проникновении в крестьянскую среду печатной литературы различных видов и т. д. Статистические материалы по демографии и школьному делу в Сибири относятся в основном

²³ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

²⁴ Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ. // Изв. ВСОРГО. 1903. Т. 34. № 2; Статистика Российской империи. Вып. 66, 70, 74.

к концу XIX — началу XX в., для 60-х — первой половины 80-х гг. XIX в. они значительно более скудны.

Статистика фиксирует главным образом количественные характеристики той природной, общественной и информационной ситуации, в которой осуществлялись демографическое поведение и социализирующая деятельность, а также объективированные результаты этих форм жизненной активности крестьянства. Общественная же форма и технологическое содержание самого процесса воспроизводства населения устанавливаются только на основе привлечения широкого круга источников других видов: экономико-географических и этнографических описаний, законодательных актов, делопроизводственных материалов, воспоминаний крестьян, заметок о деревенском быте в периодических изданиях, памятников устного народного творчества, художественных произведений.

Можно выделить две группы **законодательных актов, а также решений центральной и местной светской администрации, церковных органов** по интересующей нас теме. Во-первых, это серия законов и актов, направленных на регулирование размеров и внутренней структуры крестьянских семей, внутриобщинных отношений социально-демографического характера. Наибольший интерес здесь представляют закон 1886 г. о семейных разделах, а также те части административных актов, направлявших аграрную и переселенческую политику, которые ставили размеры крестьянских наделов в зависимость от количества «земельных душ» в крестьянском хозяйстве, обуславливали разрешение на переселение определенными требованиями к составу семей переселенцев. Анализ этих актов помогает понять мотивы и способы регулирования демографической ситуации в деревне сверху, бюрократическим путем.

Во-вторых, это законодательство в области «просвещения» народа. С одной стороны, некоторые акты, особенно определявшие буржуазную направленность школьной реформы 1860-х гг., в целом способствовали некоторому развитию грамотности, проникновению сельскохозяйственных и ремесленных знаний в сибирскую деревню. Но в то же время политика государства и церкви, будучи подчинена классовым интересам помещиков и капиталистов, была призвана ограничить доступ крестьян к грамоте и действительным культурным ценностям, направить обучение и воспитание крестьянских детей на формирование покорных работников.

Используя законодательные акты в качестве источников, важно выяснять те особенности демографического и социализирующего поведения крестьян, которые привели к принятию данных законов. Кроме того, требуется анализировать способы проведения законов в жизнь, характер их реального влияния на воспроизводство населения.

Делопроизводственные материалы по их происхождению можно подразделить на документы, исходящие от отдельных крестьян и органов их местного «самоуправления», от сельских учителей и светской училищной администрации, от священников и администрации церковных школ, а также документальные материалы общественных и научных организаций, занимавшихся изучением семейной и общинной жизни крестьян, просветительской деятельностью в деревнях.

Прошения и жалобы крестьян светским и духовным властям, приговоры сельских и волостных сходов, решения волостных судов по многим местностям составляют сплошные массивы информации за длительные хронологические периоды. Их обработка весьма трудоемка и подразумевает, как правило, применение обоснованных выборок. В будущем, очевидно, однотипные по формулярам документы будут подвергаться математико-статистическому анализу. Это позволит освободиться от иллюстративного использования богатейших данных о личных и общественных мотивах, которыми руководствовались крестьяне, вступая в брак, ходатайствуя о раннем венчании сына или дочери, о разводе, добиваясь раздела семьи, усыновляя «покормленка»; о способах осуществления этих намерений. Документы данного вида, будучи дополнены материалами училищной администрации, проясняют также отношение крестьян к обучению детей и школах различного типа, к официальной просветительской политике.

Метрические книги, в которых церковные причты фиксировали браки, рождения и смерти своих прихожан, позволяют конкретизировать представления о демографической ситуации в отдельных местностях, получаемые в результате обработки массовых статистических данных, но таких книг сохранилось по Сибири немного.

Очень немногочисленны и тем более ценны также **мемуары крестьян и выходцев из деревни**; почти все они хранятся в архивах. Мемуары весьма достоверны в той их части, где речь идет об отношениях социально-демографического характера в крестьянской среде, о системе обучения грамоте, о приемах воспитания в семье. Круг источников этого вида еще может быть пополнен сегодня (и пополняется) за счет воспоминаний долгожителей, но это требует специальной организаторской работы.

Большую роль в исследованиях воспроизводства крестьянского населения может сыграть привлечение многочисленных **газетных публикаций**, в которых отразились различные стороны семейной и общинной жизни крестьянства, в том числе те ее аспекты, которые связаны с воспроизводством поколений. Заметки и статьи в газетах на эту тему исходили от самых разных авторов, написаны по разному поводу и очень неоднородны по степени объективности и глубины отражения действительности. Само их обилие, возможность разделения по жанрам с их специфическими особенностями позволяют, как и в случае с

делопроизводственными источниками, считать данный массив пригодным для обработки с применением методов выборки, контент-анализа. При этом можно добиться ощутимого повышения информационной отдачи периодики²⁵.

Исследователи располагают большим числом развернутых и кратких **описаний крестьянского быта**, включающих, в частности, характеристику поведения членов семьи и общины в момент подготовки к заключению браков, в свадебную пору, в продолжение всего периода вынашивания и воспитания детей. Отразились здесь и те формы, в которых традиционная в своей основе система демографического поведения, обучающей и воспитывающей деятельности крестьян приспособлялась к реалиям капиталистического строя. Это приспособление, как показывают описания, не было безболезненным и сопровождалось рядом негативных явлений (ослабление семейных связей, отдача детей с раннего возраста в батрачество и т. д.).

Наибольший интерес представляют этнографические описания, составленные авторами из числа местных жителей, в том числе крестьянами²⁶. Ценную информацию содержат также работы политических ссыльных, долго живших среди сибирского крестьянства и неплохо знавших его образ жизни²⁷. Наконец, немало полезных сведений оставлено учеными и чиновниками, наблюдавшими крестьянский быт во время экспедиций²⁸. Поскольку авторы описаний занимали разные общественно-политические позиции и пользовались в своей работе разными методиками, отличались друг от друга по уровню научной квалификации, их данные следует тщательно проверять, сопоставлять с источниками других видов и с материалами, полученными во время советских этнографических экспедиций.

В 1920 — начале 1930-х гг. большую работу по сбору информации, в частности данных о демографическом поведении русских крестьян и воспитании ими подрастающих поколений,

²⁵ **Архангельская И. Д.** К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983. С. 110—126.

²⁶ **Девятов Ф. Ф.** По поводу семейных разделов и некоторых других явлений в экономической жизни минусинских крестьян // Сиб. газета. 1885. № 51; **Загоскин М. В.** Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891; **Зобнин Ф. К.** Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // Живая старина. 1894. Вып. 1; **Он же.** Игры (в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр.) // Живая старина. 1896. Вып. 3/4; **Он же.** Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 2; и др.

²⁷ **Арефьев В. С.** В низовьях Ангары // Сиб. сборник. 1900. Вып. 1; 1901. Вып. 1; **Григорьевский Н. П.** Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. ЗСОРГО. 1879. Кн. 1; **Макаренко А. А.** Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. Спб., 1897; **Неклепаев И. Я.** Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРГО. 1903. Кн. 30; **Савельев А. А.** Крестьяне в сибирской тайге // Восточное обозрение. 1883. 27 окт., 10 нояб.; и др.

²⁸ **Потанин Г. Н.** Полгода в Алтае // Рус. слово. 1859. № 9, 12; **Новоселов А. Е.** У старообрядцев Алтая. Омск, 1913; **Гребенщиков Г. Д.** Река Уба и убинские люди // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. 11; **Плотников А. Ф.** Нарымский край. Спб., 1901; **Ядринцев Н. М.** Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня // Зап. ЗСОРГО. 1882. Кн. 4; и др.

первоначальному осмыслению этих материалов проводили этнографы Восточной Сибири²⁹. Основная их часть группировалась вокруг Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества и издававшегося с 1923 г. журнала «Сибирская живая старина»³⁰. Следует отметить также материалы экспедиций, работавших в горных долинах Южного Алтая³¹. Опираясь на первые полученные данные, привлекая описания, сделанные еще в дооктябрьский период в Иркутской губернии, Г. С. Виноградов поставил в начале 20-х гг. вопрос о необходимости глубокого изучения русской народной педагогики. Но тогда по ряду причин, в том числе в связи со слабостью источниковой базы, этнографам не удалось продвинуться далеко в решении этой задачи.

Авторы этнографических описаний 20-х — начала 30-х гг. еще могли и старались зафиксировать довольно широко бытовавшие тогда пережитки старых (традиционных и привнесенных при капитализме) форм жизни крестьянства, поэтому их материалы можно использовать для изучения воспроизводства крестьянского населения дооктябрьского периода. Этнографы последующих поколений уже вынуждены были реконструировать традиционные формы культуры и быта по вещественным источникам (жилища, одежда и др.) и воспоминаниям стариков.

Такая работа проводится с середины 1950-х гг. экспедициями Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая в различных местностях Сибири — в Забайкалье, Приангарье, Верхнем Прииртышье, Алтайском крае, Тюменской области и т. д. Полученные Л. М. Сабуровой, А. А. Лебедевой, В. А. Липинской, А. В. Сафьяновой и их коллегами полевые материалы хранятся в научном архиве института. Они подвергались частичной исследовательской обработке, но имеющиеся публикации, конечно, не исчерпывают всего содержания этих источников. Ценные крупницы сведений по интересующим нас вопросам содержат записи рассказов о жизни дореволюционной деревни, сделанные в 1955—1957 гг. участниками историко-бытовых экспедиций Государственного Исторического музея на юге Красноярского края и севере Томской области³². Сегодня богатые материалы этнографического характера собирают на местах экспедиции краеведческих музеев,

²⁹ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920; Бородкина М. В. Деревня Иткара Томского края: Хозяйственно-бытовые очерки. Томск, 1927; Она же. Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края // Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926; Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5; Он же. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930; Азадовский М. К. Ленские причитания. Чита, 1922; Он же. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925; Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928; и др.

³⁰ Сибирская живая старина / Под ред. М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова. Иркутск, 1923—1929. Вып. 1—9.

³¹ Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; Герасимов Б. Г. Поездка в Южный Алтай // Зап. Семипалат. отд. РГО. 1927. Вып. 16.

³² ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 1, 3; ф. 476, оп. 1, д. 12.

университетов и педагогических институтов. В публикациях они находят неполное отражение.

Постоянно пополняются, благодаря усилиям энтузиастов, **записи произведений устного народного творчества** крестьян-сибиряков. Накопленные в предшествующие годы, они частично опубликованы (как в дооктябрьский период³³, так и в советское время³⁴), в основном же хранятся в фондах центральных и местных архивов и музеев. Памятники фольклора могут быть классифицированы как по жанрам (пословицы и поговорки, свадебная, календарно-обрядовая поэзия, поэзия пестования, детский фольклор и т. д.), так и по принадлежности различным этническим, конфессиональным, социальным, региональным категориям сибирского крестьянства, по характеру отразившейся информации.

В яркой образной форме фольклор фиксирует представления народа о браке, супружеской жизни, о здоровом образе жизни, отношении к старости и смерти, о важности и трудностях эффективного воспитания и обучения детей, о требованиях к организации этого процесса. Кроме того, памятники фольклора сами использовались в деле воспитания и обучения: вековая народная мудрость, заключенная в них, передавалась детям и внукам. Анализируя содержание памятников, мы можем выяснить, какие культурные и нравственные ценности считались необходимыми для социального наследования. Выясняя же особенности развития и бытования фольклора, можно установить цели, средства, способы и результаты такого наследования.

Особую проблему составляет использование **художественной и очерковой литературы**, созданной в досоветский период и в 1920-е гг. на сибирском материале. В лучших произведениях Г. Д. Гребенщикова, Г. А. Вяткина, М. В. Загоскина, А. Е. Новоселова, Н. И. Наумова, Л. Н. Сейфуллиной, В. Я. Шишкова и других отразились результаты наблюдений социально-экономического, этнографического и психологического характера. Современным исследователям необходимо научиться извлекать из художественных и публицистических текстов объективную информацию, мало зависящую от авторского взгляда на предмет, тем более, что названные выше писатели не были свободны в своем творчестве от мировоззренческих ошибок³⁵.

³³ **Арефьев В. С.** Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Изв. ВСОРГО. 1901. Т. 32. № 1—2; **Ивановский В.** Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // ЕТГМ. 1905. № 15; 1912. № 22; **Чеканинский И.** Енисейские старины и исторические песни // Этногр. обозрение. 1915. № 1/2; и др.

³⁴ **Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.** Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939; **Урал** в его живом слове: Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953; **Мисюрев А. А.** Сибирские сказы, предания, легенды. Новосибирск, 1959; **Календарно-обрядовая** поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981; **Русские** народные бытовые сказки Сибири. Новосибирск, 1985; **Русские** свадебные песни Сибири. Новосибирск, 1979; **Обрядовые** песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981; **Хороводные** и игровые песни Сибири. Новосибирск, 1985; и др.

³⁵ **Очерки** русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 339—571; Т. 2. С. 15—189.

В целом имеющийся комплекс методологических и конкретно-исторических источников надежно обеспечивает изучение почти всех сторон процесса воспроизводства русского крестьянского населения Сибири в эпоху капитализма. Как нам представляется, правильное использование этого комплекса позволит преодолеть те крайности в оценке важнейших сторон образа жизни крестьянства досоветского периода, которые еще проявляются в литературе. Взятые в совокупности, источники, с одной стороны, не допускают идеализации условий и форм этой тяжелой и во многих отношениях уродливой жизни, с другой — недооценки ряда ее жизнеспособных аспектов. Думается, что позитивные крупницы народного жизненного опыта, нуждающиеся в первоочередном выявлении и развитии, обнаруживаются не только в области хозяйственной деятельности, но и в сфере демографического поведения (сравнительная прочность семейных связей, ориентация на высокий естественный прирост населения и др.), а также в области народной педагогики (высокая эффективность применявшихся средств воспитания, важное значение самообучения, самовоспитания детей) и в тех сторонах общественной активности крестьянства, которые связаны с участием представителей этого класса-сословия в общественно-педагогическом движении.